

**Горькие плоды цивилизации:
девушки для танцев**

Филимонова Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, Кафедра филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии Института стран Азии и Африки МГУ, glasha.48@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4874-4917>

Аннотация: Статья посвящена такому явлению вьетнамской городской жизни 30-х гг. XX в., как «девушки для танцев» (gái nhẩy đăm), которое появилось в связи с проникновением и распространением в стране западных бальных танцев в колониальный период. В основе статьи лежит один из репортажей (phóng sự), входящих в сборник «Ханой обездоленных» (Hà Nội lầm than, 1937), вьетнамского писателя Чонг Ланга (Trong Lang, 1906-1986), который посвящен именно девушкам для танцев и представляет собой цепь отдельных зарисовок из их тяжелой и бесправной жизни.

Ключевые слова: Чонг Ланг, репортаж «Ханой обездоленных», девушки для танцев

About one of the results of Europeanization

Tatyana N. Filimonova

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Philology of Southeast Asia, Korea and Mongolia, Institute of Asian and African Countries, MSU, glasha.48@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4874-4917>

Abstract: The paper is dedicated to the so called “dancing girls” who appeared in Hanoi life at the early 1930s with the spreading of European dances in colonial Vietnam and is based on the reporting (phóng sự) of “Hanoi’s miserables” (Hà Nội lầm than, 1937) by Trong Lang (1906-1986) which describes their unhappy life deprived of all rights.

Keywords: Trong Lang, reporting “Hanoi’s miserables”, dancing girls

Среди многочисленных проявлений европеизации вьетнамской жизни в колониальный период, а именно, в начале 30-х годов XX в., можно отметить и проникновение в страну европейских бальных танцев: танго, фокстрота, румбы, вальса и т.п., которые в то время назывались по-вьетнамски «nhẩy đăm», или буквально «танцы с дамами». Тем самым подчеркивался парный характер этих танцев, ранее во Вьетнаме невиданных, который предполагал наличие мужчины и партнерши – женщины.

Мода на такие танцы в 30-е годы XX в. захватила, прежде всего, крупные города, в частности Ханой, и связана с возвращением в страну вьетнамцев, учившихся во Франции. Как пишет известный вьетнамский поэт и прозаик Нгуен Ви (1910/12–1971) в своей знаменитой автобиографической хронике «Туан, вьетнамец. Хроника вьетнамской жизни 1900–1970 годов» в среде более или менее образованных людей их называли «*Retour de France*», то есть «возвращенцы». Нгуен Ви отмечает, что эти молодые вьетнамские интеллигенты «изменили тихую и полную архаики ханойскую жизнь, придав ей совершенно новый романтический характер»¹.

Если основываться на воспоминаниях Нгуен Ви, то приблизительно в 1931 г. в Ханое, на улице Кхам Тхиен (как пишет Нгуен Ви, «в пригороде Ханоя», сейчас же это центр города), славившейся как район развлечений, появились два первых танцевальных заведения (*tiệm khiêu vũ*) (танцзала, ресторана/бара с танцами), которые открыли молодые «возвращенцы». Хозяином одного из них был Ву Динь Хай (Vũ Đình Hải), младший брат известной во всей стране «певицы» (*cô đầu* или *ả dào*), о которых речь пойдет далее, по имени Док Шао (Đức Sao), фактической жены Хоанг Тить Тю (Hoàng Tích Chu, 1897–1932). Последний же известен как один из главных реформаторов вьетнамской прессы, благодаря деятельности которого она обрела вполне европейский вид. Хозяина другого заведения звали Жан Дод Кханг (Jean Dod Khang). И это все, что о нем сообщает Нгуен Ви.

Как он пишет, после открытия эти танцевальные заведения сразу привлекли к себе людей более или менее обеспеченных и неженатых: чиновников, работавших в канцеляриях губернатора, генерал-губернатора и т.п., а также студентов-возвращенцев. Представители же местной интеллигенции (преподаватели и студенты) поначалу оставили их без внимания. Более того, в прессе началась бурная дискуссия на тему, а следует ли вьетнамцам танцевать европейские танцы? В ходе дискуссии одни одобряли появление и распространение европейских танцев в стране, поскольку видели в этом разновидность искусства и одно из проявлений европейской цивилизации, другие выступали категорически против них как чего-то совершенно непристойного и потому неприемлемого. Ведь эти танцы часто предполагали не только публичные прикасания мужчин к женщинам, но и объятия. Во Вьетнаме же, как конфуцианской стране, и то, и другое было совершенно недопустимо. Ины-

ми словами, по мнению большинства, подобные танцы наносили урон местной традиционной морали.

Однако постепенно ситуация начала меняться – мода на танцы проникала в среду городской молодежи и других представителей мужского пола – главных любителей подобного рода развлечений. Приличные же женщины танцев сторонились. Нгуен Ви пишет: *«Учащиеся девушки, самые современные барышни в Ханое того времени, старались держаться подальше от танцевальных заведений. В их сознание глубоко въелась мысль, что танцевать неприлично, что это разврат»².*

Если приличные женщины, как и многие добропорядочные представители традиционного общества, к европейским танцам относились отрицательно, то с кем-то же мужчины должны были танцевать? В этих условиях в стране и появилось такое новое явление, как «девушки для танцев» (*gái nhẩy đằm*). Именно ему посвящена часть репортажа «Ханой обездоленных» (*Hà Nội làm than*), автором которого является Чонг Ланг (*Trọng Lang, 1906–1986*)³. В историю вьетнамской литературы предреволюционного периода, а именно 1930–1945-х гг., он вошел, прежде всего, своими репортажами (*phóng sự*), такими как «Тайны жизни монахов и монашек» (*Đời bí mật của sư vãi, 1935*), «Петушиные бои» (*Gà chọi, 1936*), «Женщины и курение опиума» (*Đàn bà hút thuốc phiện, 1937*), «Ханой обездоленных» (1938) и другими.

Сам жанр литературного репортажа пришел во Вьетнам из Франции. Во вьетнамском литературоведении он относится к так называемой «документальной прозе» (по-вьетнамски *ký*) и находится на границе между художественной литературой и журналистским расследованием, поскольку предполагает, так сказать, глубокую вовлеченность и даже погружение самого автора в исследуемый жизненный материал, как правило, относящийся к темным сторонам общества и жизни «униженных и оскорбленных», изучение его и правдивое, но в то же время художественное описание. Иными словами, в репортаже автор не просто что-то фиксирует, но и является одним из «действующих лиц». Первым произведением в жанре репортажа во Вьетнаме является репортаж Там Ланга (*Tam Lang, 1901–1986*) «Я – рикша» (*Tôi kéo xe, 1935*). Чтобы написать свое произведение, его автор, известный журналист, по совету друга переоделся в бедного простолюдина и устроился на работу рикшей.

«Ханой обездоленных» считается одним из лучших произведений Чонг Ланга в этом жанре. Первоначально репортаж публиковалось частями в газете «Сегодня» (Ngày nay) с февраля по сентябрь 1937 г., а годом позже вышел отдельной книгой в издательстве «Наше время» (Thời nay), принадлежавшем, как и газета, известной литературной группе «Своими силами».

В оригинале произведение состоит из четырех частей, одна из которых посвящена девушкам для танцев, остальные три – так называемым «певицам», нищим, а также публичным домам и проституции. Представителей всех этих «профессий» автор репортажа и считает «обездоленными Ханоя».

Свое отношение к девушкам для танцев писатель определяет сразу же в небольшом предисловии к основному тексту репортажа. Вот его начало: *«В то время, как трудящиеся работают по часам, за деньги и имеют выходные, я хочу рассказать об особой категории вьетнамских женщин, которых, так называемые, порядочные женщины, скривив губы, считают главными общими врагами всех матерей и жен.*

Я хочу рассказать о женщинах-рабынях, которых за деньги используют богатые мужчины, покупающие себе ночами развлечения»⁴ (115). И только потом он конкретизирует, кто эти женщины-рабыни – *«девушки для европейских танцев, танцующие за деньги»*, представительницы новой профессии вьетнамских женщин: *«С виду они любезные, привлекательные, но если посмотреть пристальнее, то несчастные и заслуживающие сострадания» (115).*

Основной текст репортажа представляет собой ряд отдельных зарисовок, посвященных знакомству Чонг Ланга с танцевальными заведениями Ханоя и девушками для танцев. В репортаже он касается двух категорий этих девушек: более дешевых и более дорогих. К первой относятся, так называемые, «певицы», которые подрабатывают, танцуя с посетителями заведений за деньги, но не получают зарплату от хозяина, ко второй – так сказать, «профессиональные» танцовщицы, получающие ежемесячную зарплату, многие из которых тоже из певиц.

Судя по историческим хроникам, такое явление, как профессиональные певицы, существовало во Вьетнаме еще со времен императора Ли Тхай То (XI в.), за деятельностью их даже следили специальные чиновники. Будущие певицы отбирались с детства из симпатичных и подающих надежды девочек, обучались грамоте, пению, танцам, игре на музыкальных инструментах, стихосложе-

нию, манерам и проч. Певицы и мужчины-аккомпаниаторы селились, как правило, компактно, профессиональными цехами. Иногда пение и музыкальное сопровождение были семейными профессиями, которые передавались из поколения в поколение.

С одной стороны, профессия певицы требовала большого мастерства, и хорошие певицы высоко ценились. Более того, одной из жен императора Ле Тхань Тонга (XV в.) была певица, многие из князей Чиней (XVI–XVII вв.) женились на певицах. Но, правда и то, что одно время детям певиц и музыкантов не разрешалось принимать участие в конкурсных экзаменах, так как занятие это считалось недостойным.

С другой стороны, существовали и большие знатоки и ценители искусства певиц, благодаря чему в XVIII–XIX вв. увеселения с певицами приобрели во Вьетнаме очень рафинированные формы и породили высокую поэзию. Традиция у вьетнамских мужчин проводить время с певицами сохранялась и в первой половине XX в., однако в приличном вьетнамском обществе, основанном на конфуцианском культе семьи, отношение к певицам всегда было сложным, скорее отрицательным – почти как к проституткам⁵.

Для знакомства с первой категорией девушек, то есть певиц, подрабатывающих танцами, холодной зимней ночью автор отправляется в недорогое танцевальное заведение на окраине Ханоя, многочисленные посетители которого или совсем не умеют танцевать, или только научились. Там он знакомится с одной из наиболее приглянувшихся ему девушек, судя поговору из деревенских, дальнейшее общение с которой (танцы, посещение ее жилища, поход в ресторан,...) и дает ему материал для этой части репортажа. Как отмечает автор, в первый вечер она была сильно и неумело напудрена, так что слой пудры не мог скрыть ее серую кожу – *«свидетельство нищенского существования и бессонных ночей, полных разврата»*. При этом зубы ее, видимо, когда-то по традиции покрытые черным лаком, были по городской моде выбелены, но недостаточно. Все это делало ее похожей на дешевую проститутку. Кроме того, автор пишет, что из ее рта исходил зловонный запах, говорящий о нездоровье внутренних органов из-за перенапряжения, недосыпа, недоедания, туберкулеза и неприличных болезней.

Жила девушка у хозяина того заведения, где работала певицей. Она снимала одну комнату с тремя другими подругами. Однажды зайдя за ней и застав девушек спящими, автор пишет: *«Три девушки лежали под одним, когда-то белым, одеялом, высунув голо-*

вы, и спали, как убитые. Я никогда не забуду их желтые бескров-ные лица, похожие на три страшные картинки» (121).

Приглашенная автором в ресторан, девушка заказала простые блюда и ела их, как крестьянка. Из разговора с ней автор узнал, что она, работая на хозяина, как и многие другие, задолжала ему огромную муссу денег, так что и до смерти не выплатить; она хотела бы выйти замуж, но нет желающих заплатить за нее долг. При этом автор думает, что причина этого заключается в том, что, скорее всего, у нее дурная слава взбалмошной, падкой до мужчин и к тому же, как и большинство девиц, работающих в подобных заведениях, она страдает неприличной болезнью.

По рассказу девушки, хозяин, входя в их тяжелое положение, дает им возможность днем жить, как им заблагорассудится, лишь бы они не пытались сбежать. Они и не пытаются, тем более, что у хозяина связи в полиции.

Деньги, которые девушки получают, подрабатывая танцами, идут хозяину, дорогу до работы и с нее оплачивает или хозяин девушек, или хозяин танцевального заведения. Бывает, что, вернувшись с танцев, девушки еще до глубокой ночи поют и принимают посетителей в своем заведении. За отказ танцевать с клиентом их могут даже избить, *«как какую-то прислугу»*.

Слушая рассказ девушки, автор думает, что *«есть еще места, где не знают про трудовое законодательство и не ведают, что такое гуманное отношение к людям» (126).*

Но девушки пользуются и щедростью своих клиентов. Те иногда покупают им из жалости теплую одежду, как сделал это и автор; дают немного денег, которые те тратят на мыло для стирки и глажку одежды, или чтобы перекусить, когда приходится работать до глубокой ночи.

Заключая эту часть репортажа, автор признает, что даже и не представлял себе, насколько несчастны эти девушки. За вежливыми улыбками они скрывают печаль, вызванную своей тяжелой жизнью. Танцевальные заведения – райские места для клиентов с деньгами, но не для них. Он сравнивает девушек с рабынями, а их жизнь с тюрьмой, хотя, по его мнению, они могли бы быть счастливыми женами.

Но дальше оказывается, что жизнь дорогих танцовщиц, получающих зарплату от хозяина танцевального заведения, не легче. Как и в первом случае, для знакомства с их жизнью автор изучает дорогие заведения, знакомится и опрашивает своих «информато-

ров». Им также приходится много работать, труд их плохо регулируется. Автор пишет, что так как танцевальных заведений в принципе мало, а девушек для танцев с избытком, владельцы заведений могут позволить себе безнаказанно их эксплуатировать.

Одно время увеселительные заведения (бары, рестораны,...), а значит, и девушки для танцев, могли работать до глубокой ночи без каких-либо ограничений и лишь потом власти ввели штрафы на работу их после полуночи из-за производимого шума (музыки, барабанного боя), за исключением суббот и праздничных дней. Некоторые хозяева – как пишет автор, «из гуманных соображений» – даже выдавали девушкам небольшие «деньги на суп» в случае работы после полуночи. Но через несколько месяцев после введения этого правила все вернулось на круги своя. Увеселительные заведения могли работать всю ночь, и полиция не обращала на это никакого внимания.

Правда, автор приводит и случай, когда на улице Кхам Тхиен, специализировавшейся, как уже говорилось, на увеселительном бизнесе, одновременно работало сразу пять *Bar*, что давало девушкам возможность конкурировать друг с другом, выбирать место с более высоким заработком, соответственно, и прав у них было больше.

За свой труд девушки получали на самом деле небольшую плату (от 3 до 8 донгов в месяц). Самые высокооплачиваемые зарабатывали до 20 донгов, но часто им приходилось еще и давать уроки танцев, так что за танцами они проводили по 8–9 часов в день. Поэтому одна из них справедливо заметила, что они зарабатывают деньги «потом и слезами», не то что проститутки.

Однако при таком виде деятельности заработанных денег едва хватало. По свидетельству одной из девушек, им и десятка донгов мало в отличие от ремесленника, который на эту сумму может прокормить всю родню. Потому что каждые два месяца нужна новая пара туфель, в холодный сезон – теплая приличная одежда. В жаркий сезон они за вечер два раза меняют платье, поэтому платья быстро изнашиваются из-за пота или их нечаянно рвут клиенты, например, наступив на подол. Кроме того, им надо тратиться на пудру и помаду, ночные перекусы... И все это, не считая трат на каждодневную еду, лекарства, плату за жилье. Этим объясняется то, что некоторые танцовщицы даже должны хозяевам.

На приличное вознаграждение от клиентов, по словам одной из девушек, рассчитывать не приходится, так как посетители танцевальных залов в основном люди не очень богатые.

В случае жалоб со стороны клиентов за недостаточную учтивость или за отказ танцевать с пригласившим, но не понравившимся кавалером девушек могут наказать и даже избить.

В случае болезни и невозможности выйти на работу девушкам урезают зарплату, так что прогуливать в свое удовольствие они могут, только если у них есть богатые любовники, способные возмещать им потери в зарплате. А болеют девушки часто. Во-первых, из-за нездорового образа жизни. Как мы уже видели, автор неоднократно подчеркивает их болезненный вид. Во-вторых, из-за болезней ног. Вынужденные много танцевать, некоторые из девушек могли попасть в больницу, а одна из них даже лишилась нескольких пальцев на ноге. Речь в репортаже идет об одной молоденькой девушке-нацменке, «*наивной*» представительнице горных районов, которую «*тесный, жестокий и полный грязи*» Ханой довел до болезни. Рассказывая про эту девушку, которую автор навестил в бесплатном отделении больницы для бедных, он подчеркивает, что семимесячное пребывание в больнице, несмотря на скудную еду, вернуло ей хороший цвет лица, а это значит, что до больницы она постоянно недоедала.

Отдельно автор говорит о местах, где девушек учили танцевать и куда сам автор устроился учителем танцев. Он называет их «школами» (*nhà dầy*), «домами для развлечений» (*nhà chơi*), *garconnière* (франц. «квартира холостяка») и «логовами дьявола» (*tổ quỷ*). Последнее название объясняется тем, что именно: «*Здесь многие девушки проходили путь от неловких на фокстрота до разврата*» (145). Сюда тайком от хозяев прибегали потанцевать певицы, девушки для танцев перед работой отводили душу, танцуя в свое удовольствие, а не для денег, но были и просто желающие научиться танцевать.

Про одну из таких девушек, свою ученицу, автор рассказывает, что она была одета в старое и испачканное хлопчатобумажное платье коричневого цвета, какие обычно носили бедняки, ходила в сабо, на голове ее был поношенный бархатный платок, из-под которого торчали потные волосы. Ее лицо было темно коричневым от загара, зубы покрыты черным лаком – что говорило об ее деревенском происхождении – и при этом глаза плутовки. К тому же от нее сильно воняло, потому что: «*Она, как и большинство других уче-*

ниц, вступила на путь жизни танцовщицы такой неопрятной и плохо пахнущей из лавчонок, затерянных в узких закоулках рынка Донг-Суан, где торговали простой едой – овощами, соленьями, рыбой и креветками, или из еще неиспорченной деревни» (151).

Автор отмечает грязь, грубые нравы, царящие в этих школах, где девушки к тому же часто беременели, причем, до последнего скрывали это.

Естественно, что и семейная жизнь у женщин, занимающихся этим ремеслом, не складывалась. Автор рассказывает историю одной из них. Как-то он пришел к ней в дом и удивился его убогости: «*Это была тесная беспорядочного вида комнатенка с двумя европейскими кроватями и старым столом со стульями из фанеры, больше похожая на комнату жены французского солдата. И все в ней имело вид временный, холодный и одинокий, как в доме вдовы*» (155). У этой женщины когда-то был муж, от которого она родила сына, худенького от недоедания мальчика восьми-девяти лет, лишённого внимания и заботы, но муж утонул. Сейчас она живет с другим «приходящим» мужем, который ее бьет. После первых родов из-за болезни ей отрезали одну грудь и теперь она выходит на работу с искусственной. Кроме того, она беременна от второго мужа, но скрывает свое состояние от хозяина и клиентов, туго перетягивая живот. Она же рассказывает автору историю своей подруги, вынужденной через месяц после родов вернуться к работе и от слабости упавшей в обморок во время вальса.

Еще одну грустную историю о неудавшейся семейной жизни Чонг Ланг узнает от мужчины, который сам находит автора, узнав, что тот собирает материал для репортажа о «девушках для танцев». Предваряя свою историю, он говорит, что не знает ни одного долгого брака среди них. Сам он, профессиональный учитель танцев, женился на простой женщине, занимавшейся торговлей на рынке. У них родилась дочь, и, хотя они жили в бедности, но честно и счастливо. На беду, он научил свою жену танцевать, та начала работать девушкой для танцев и хорошо зарабатывать, а он сидел дома с малышкой. Без надлежащего ухода малышка заболела и умерла. Жена, родив второго ребенка, сама серьезно заболела. Ему удалось ее выходить, но, вернувшись к танцам, она вскоре бросила его и ребенка ради более богатого мужчины, а затем, разочаровавшись, оставила и его. Вернувшись в семью, она через какое-то время сбегала окончательно и больше он о ней ничего не знает.

Упоминает автор и еще одну житейскую трагедию, связанную с тем, как танцы довели одну девушку до самоубийства, правда, неудавшегося. Она любила танцы и мужчин, поэтому пошла в танцовщицы, однако ее отец, боявшийся, что это приведет дочь к нравственному падению, силой вернул ее домой. От расстройства она и попыталась покончить жизнь самоубийством.

В заключении репортажа Чонг Ланг выделяет две категории женщин, которые идут в танцовщицы. Это, во-первых, те, кто хочет вырваться из бедной и тяжелой трудовой жизни, во-вторых, те, кто по природе своей ищет наслаждений. По его мнению, для них есть два пути к тому, чтобы бросить это, с его точки зрения, недостойное ремесло, способное превратить их в *«отбросы общества»*: умереть или выйти за муж за *«шикарного»* человека. Но таких в танцевальных заведениях *«днем с огнем не найти»*, потому что требования, предъявляемые женщинами этой профессии к этим кавалерам, слишком завышенные: они должны уметь танцевать, быть недурны собой, иметь много денег, быть вежливыми, не ревнивыми, одним словом, совершенными, а таких нет.

Репортаж Чонг Ланга – не социологическое исследование, полное статистических данных и стройных выводов, это всего лишь цепь зарисовок из жизни девушек для танцев. Достаточно эмоционально написанный, он практически лишен каких-либо обобщений, однако дает общее представление об их трудном и часто жалком существовании, что, в свою очередь, дает автору право отнести их к *«обездоленным»* Ханоя 30-х годов прошлого века. Кроме того, репортаж расширяет наше представление о жизни Ханоя колониального периода, который может быть ничуть не хуже Парижа или Шанхая, и его обитателей, являясь редким, если не единственным, произведением на данную тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Nguyễn Văn Ngọc. Đào-nương ca. Hà Nội, 1932 (Нгуен Ван Нгок. Пение барышень Дао. Ханой, 1932).
- Nguyễn Vĩ. Tuấn, chàng trai nước Việt. Tập 1. Sài Gòn, 1970 (Нгуен Ви. Туан, вьетнамец. Т.1. Сайгон, 1970).
- Tam Lang. Trọng Lang. Hoàng Đạo. Phóng sự chọn lọc. Hà Nội, 1995 (Там Ланг. Чонг Ланг. Хоанг Дао. Избранные репортажи. Ханой, 1995).
- Vũ Ngọc Phan. Nhà văn hiện đại. Tập 1. Hà Nội, 1989 (Ву Нгок Фан. Современные писатели. Т.1. Ханой, 1989).

¹ Nguyễn Vĩ. Tuấn, chàng trai nước Việt. Tập 1. Sài Gòn, 1970. Tr.143.

² Nguyễn Vĩ. Tuấn, chàng trai nước Việt. Tập 1. Sài Gòn, 1970. Tr. 149.

³ Настоящее имя Чонг Ланга – Чан Тан Кыу (Trần Tấn Cửu). Он родился в конфуцианской семье в Хадонге, ныне части Ханоя, получил колониальное образование, после чего занялся литературой и журналистикой, печатался в таких известных периодических изданиях, как «Нравы» и «Сегодня», принадлежавших литературному объединению «Своими силами», и ряде других. После раздела страны в 1954 г. переехал с коммунистического Севера на Юг, где продолжил заниматься литературным творчеством и журналистикой. Чонг Ланг скончался в Сайгоне, прожив почти 11 лет после объединения в 1975 г. Севера и Юга Вьетнама.

⁴ Все цитаты из репортажа даются по: Tam Lang.Trọng Lang. Hoàng Đạo. Phóng sự chọn lọc. Hà Nội, 1995. В скобках после цитат указаны страницы.

⁵ Певицам посвящено известное исследование Нгуен Ван Нгока. Пение барышень Дао. Ханой, 1932.